

Юбилей

ВЕЛИКИЙ КОБЗАРЬ

К 170-летию со дня рождения Т. ШЕВЧЕНКО

Имя гениального сына Украины, автора свободолюбивого «Кобзаря» мы называем среди самых достойных имен, которых дали миру народы нашей страны. Проходят годы, десятилетия, и все яснее становится непреходящее значение его поэзии, родившейся из бездн страданий и унижений, но полной человечности, жизнестойкости и веры в будущее. На его стихах, как и на произведениях Чернышевского, Добролюбова, Герцена, воспитывались целые поколения революционеров, его творчество высоко ценил В. И. Ленин. Отмечая юбилей великого сына украинского народа, мы предоставляем слово книголюбу и исследователю литературных судеб Б. Д. Чельшеву, доценту Тираспольского пединститута, носящего имя Т. Г. Шевченко.

Если спросить, что особенно характерно для Тараса Шевченко, можно твердо ответить: любознательность и жажда свободы.

Вот он спешит в театр послушать оперу «Иван Сусанин»; идет на чью-то лекцию или посмотреть, каков памятник Крылову. То вечером отправляется к знакомому «с благой целью послушать музыку» или в дождь и сыкоть охотится за интересной книжкой. «Был в Эрмитаже, — записывает в дневнике 3 мая 1858 года, — обошел два раза». И тут же: «В 4 часа оставил я Эрмитаж и зашел на выставку цветов...». И так каждый день, без перерыва! Такую любознательность не привьешь искусственно и не выработаете долги упражнениями. Дается она от природы и составляет особенность характера человека.

Не случайно же отец его, умирая, изрек, по замечанию одного современника: «Сыну Тарасу из моего хозяйства ничего не нужно; он будет необыкновенным человеком: из него выйдет или кто-то очень хороший, или большой горемыка; для него мое наследство или ничего не составит, или ничего ему не поможет».

Он служит у попа пастухом; таскает тяжелые ведра с водой и растирает краски у дьяка; красит крыши или присматривает за скотиной. А то выполняет и более «почетную» работу — читает псалмы над покойниками!

И в то же время подспудно живет в нем другое. Парнишка тайком читает, рисует, переписывает в самодельную тетрадку стихотворения классиков, народные песни.

Таким же удивительным было и приобщение к живописи в юности. Приехав в Петербург, Тарас стал захаживать в Летний сад. Все с удивлением смотрели на расхристанного оборванца без шапки, босого, в затрепанном халате. Он робко ютился меж кустами и зарисовывал мраморные

статуи. Его прогоняли. Тогда Тарас нашел выход: являлся в сад в светлые ночи и рисовал, чтоб «набить руку». Непобедимая жажда знаний подкреплялась недюжинными способностями художника — живописца.

Благодаря «человеколюбивому трио» — К. П. Брюллову, В. А. Жуковскому и композитору М. Ю. Виельгорскому Тарас Шевченко был выкуплен из крепостной неволи и стал посещать Академию художеств. Но поучиться как следует не удалось: за революционные стихи попал под солдатскую шапку и был сослан на край света! К тому же с запрещением, которое лично отдал «порфирородный идол» Николай I: не позволять писать и рисовать!.

Еще при жизни Шевченко некоторые из современников, понаслышке знавшие поэта, считали его простаком — недоучкой. «Алмаз в кожухе», — заявил один. Другой заметил: «Книгами не интересовался, ничего не читал». И кто же прилепил к нему такое? Владельцы хороших домашних библиотек, родовитые дворяне! Да где же ему, горемыке, добыть тяжелейший мужицкий рубль на книжку или журнал?! И все же, если внимательно проследить по дневнику и письмам Тараса Григорьевича круг его чтения, то откроется удивительнейшая картина. Окажется, читал он не меньше Тургенева, Гоголя, Лермонтова, Некрасова и многих, многих своих знаменитых современников. Записи пекут именами Пушкина, Шекспира, Байрона, Щедрина, Гёте, Герцена!

Но где все-таки он доставал книги? Да вот хотя бы: «Ежели найдете в Одессе Шекспира, перевод Кетчера, или «Одиссею», перевод Жуковского, пришлите ради распятого за нас, ведь, ей-богу, от тоски с ума сойду», — пишет он своему другу А. И. Лизогубу.

Такая же просьба к М. М. Лазаревскому. Такие же слезные просьбы ко всем друзьям. Он просит книгу чуть ли не с про-

тянутой рукою, как голодный вымалывает кусок хлеба!.

...Мрачная солдатская казарма в обнесенной земляным валом Орской крепости. За валом безлюдная степь, покрытая высохшим ковылем. Не с кем перемолвить и слова: одни лишь пошлые казарменные остроты да унтер — офицерский «юмор». Поэт сопротивляется, бьется, словно птица, попавшая в силки. Тайно рисует на подвернувшихся обрывках бумаги. Оглядываясь, делает записи в книжечку, которую прячет за голенище сапога.

Не слаще было и в Новопетровском укреплении, куда перевели из Орской крепости.

Известно, что самый сильный протест рождается в груди самых угнетенных. Другой бы на месте Шевченко сник, «утихомирился». А у этого даже строки дневника пышут ненавистью к палачам.

Значение художника определяется не его «чистым» мастерством, а прежде всего народностью и связью с общественно — политической борьбой своего времени. С этой стороны творчество революционера — демократа Тараса Шевченко было созвучно и народу, и передовым общественным идеалам второго этапа освободительного движения России. Он тоскует о свободе, взывает к мести. Недаром главный мотив его стихов — крепостной убивает помещика. А он, поэт, радуется такому возмездию: «Шляхту резать станем, — гулять не устанем».

Знаменательно то, что в святом деле борьбы великого Кобзаря духовно поддерживали его слабые предшественники — декабристы, а также и другой изгнанник — Александр Герцен. Недаром 17 сентября 1857 года он записывает в дневнике важное для себя событие: капитан парохода, на котором он плыл, «вытащил из-под спуда «Полярную звезду» 1824 года и прекрасно прочитал нам отрывки из поэмы «Наливайко», а Сапожников из поэмы «Войнаровский». И

тут же в дневнике освободившийся от солдатчины поэт старательно переписывает стихи о свободе, в том числе и агитационно — революционное Петра Лаврова «Русскому народу», опубликованное Герценом за границей. Показательно и то, что Шевченко самолично делает себе карандашный рисунок — портрет Герцена!

Передовая Россия приняла поэзию Тараса Шевченко как символ борьбы с самодержавием. Несмотря на запреты, его стихи публиковали в прессе, а еще больше переписывали в тетради, в альбомы. Столетний юбилей со дня рождения Шевченко, в 1914 году, власти запретили отмечать. Но ослушников нашлось слишком много: его стихи читались на вечерах, газеты были полны хвалебными статьями о поэте. Даже появлялись книги, брошюры с его биографией, «Завещанием», его портретом. В заштатном украинском городке Болграде в местной газете писали: «Шевченко не верил, что «верхи» поймут тяжесть и мучительность создавшегося положения, чтобы освободить украинский народ. У него была только надежда: что надо самим себя освободить!»

Поэт — интернационалист, революционер — демократ, он любил народ и скорбел о его тяжелой доле. И в то же время верил в мечту о «братстве вольном, новом». В мечту, которая со временем оказалась пророческой.

Б. ЧЕЛЬШЕВ,
доцент Тираспольского
пединститута имени
Т. Г. Шевченко.